

Дальневосточная одиссея Владимира Арсеньева: опыт визуально-антропологического исследования

Иван Андреевич Головнев
Центр Арктических исследований Музея антропологии и этнологии "Кунсткамера" РАН,
Санкт-Петербург, Россия, ethnokino@yandex.ru

Аннотация. В исследовании рассматривается малоизученный спектр источников – визуальное наследие В.К. Арсеньева, в котором отразились силуэты эволюции Дальневосточного края в первой трети XX века. Автор представляет опыт междисциплинарного исследования: выделяет ключевые образы арсеньевского фотоархива, анализирует их с использованием историко-антропологических подходов, а также обобщает в современном документальном фильме. Демонстрируется перспективность обращения к визуальным архивам исследователей и эффективность использования предложенной методики для применения в широком поле гуманитарных дисциплин.

Ключевые слова: *визуальная антропология, архивные фотодокументы, Дальний Восток, В.К. Арсеньев*

Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 21-18-00518, <https://rscf.ru/project/21-18-00518/>

Для цитирования: Головнев И. А. Дальневосточная одиссея Владимира Арсеньева: опыт визуально-антропологического исследования // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 3. С. 30–42. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/30-42>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/30-42>

Far Eastern Odyssey of Vladimir Arseniev: the experience of visual and anthropological research

Ivan A. Golovnev
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
St. Petersburg, Russia, ethnokino@yandex.ru

Abstract. The study considers an insufficiently explored layer of sources – the photographic heritage of V.K. Arseniev, which reflected the silhouettes of the evolution of the Far Eastern Territory in the first third of the 20th century. The author presents the experience of interdisciplinary research: highlights the key images of the Arseniev's archive, analyzes them using historical and anthropological approaches, and summarizes them in a documentary film. The prospects of using the visual archives of researchers and the effectiveness of using the proposed methodology for application in a wide range of humanitarian disciplines are demonstrated.

Key words: *Keywords: visual anthropology, archival photo documents, Far East, V.K. Arseniev*

The reported study was funded by RFBR, project number 21-18-00518, <https://rscf.ru/project/21-18-00518/>

For citation: Golovnev I. A. Far Eastern Odyssey of Vladimir Arseniev: the experience of visual and anthropological research // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 3. P. 30–42. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/30-42>

Со времен изобретения фотографической техники о перспективности ее использования в научных целях теоретически высказывались многие исследователи. В частности, еще В.Н. Харузина подчеркивала, что для изучения "типов населения, костюмов, живых народных сцен, группировки лиц при играх, совершении обрядов и т.п., фотография незаменима" [23, с. 14]. Затем, на судьбоносном для отечественного народоведения Совещании этнографов Ленинграда и Москвы 1929 г., определившем векторы развития в то время "новой", советской, этнографии, фотографирование также выделялось в качестве одной из актуальных методологических установок. Например, в резолюции по докладам В.Г. Богораза и Б.А. Куфтина о методах полевой работы было записано: "Этнограф всячески должен стремиться к всестороннему применению различных технических приемов в своей работе. Киносъемка, фотографирование и фонографирование должны занять надлежащее место при полевом исследовании" [18, с. 131]. Н.Ф. Яковлев видел причинную связь фотографии и этнографии в самом подходе ученого к исследовательскому материалу, в его стремлении максимально точно зафиксировать свой объект: "этнограф стремится выхватить из жизни отдельные, интересные для него явления или процессы с тем, чтобы всеми имеющимися в его распоряжении техническими средствами отразить и закрепить эти объекты на бумаге, фото-снимке, зарисовке и т.д." [24, с. 7]. Подобную установку наследовали и ученые более позд-

него советского периода, – так, по убеждению В.Н. Басилова, "фотоснимок был и остается в этнографии одним из важнейших источников информации. Он способен точно и полно осветить особенности жизни разных народов, исследование которых и составляет предмет этнографической науки" [5, с. 161]. За десятилетия творчества российскими/советскими исследователями был создан целый корпус фотографических материалов, являющихся уникальными свидетельствами развития отдельных регионов и страны в целом. И в этой связи заслуживает акцентного внимания тезис В.М. Магидова о назревшей потребности изучения истории страны по визуальным документам [13].

Традиция практического применения фотоаппаратуры в исследовательских работах к настоящему моменту насчитывает более чем вековую историю – принято считать, что направление этнографической фотографии зародилось в 1870–1880-х гг. [21, с. 38]. В частности, в этот период возможности фототехники апробировали в своих экспедициях известные ученые-путешественники: Н.М. Пржевальский, П.К. Козлов и др. И освоение дальневосточного региона в конце XIX века оказалось неразрывно связано с первыми опытами его визуальной фиксации средствами фотографии. Субъектами создания "нового" визуального знания становились исследователи, военные, миссионеры, сотрудники различных фирм, деятели администраций – на них лежала амбициозная и ответственная задача – открыть миру неизведанную окраину, всесторонне описать ее территории и население. Синхронно с подъемом государственного интереса в освоении Дальнего Востока на рубеже XIX–XX вв. активизировалась и деятельность исследовательского сообщества в параллельном направлении. Соответственно, импульс к развитию получили экспедиционные работы по изучению географических, геологических, этнографических, климатических и др. особенностей края, в том числе и с точки зрения их использования в качестве колонизационных ресурсов. Существенную роль в реализации подобных госпрограмм стали играть научные организации, в частности, Общество изучения Амурского края, деятели которого в той или иной степени затрагивали в своих исследованиях проблемы этнокультурной, административно-хозяйственной и переселенческой политики в регионе. Отправляясь в экспедиции, многие сотрудники Общества: Ф.Ф. Буссе, Б.И. Дыбовский, И.А. Лопатин, В.П. Маргаритов, П.Т. Новограбленов, Н.А. Пальчевский, Б.О. Пилсудский и др. – брали с собой фотоаппаратуру или нанимали профессионального фотографа [9]. В трудоемких, комплексных по исследовательским задачам экспедициях они создавали фотодокументы, которые сообщали сведения экономического характера, имели разностороннее научное значение, а также знакомили общественность с многонародным обликом края – бытом айнов, алеутов, гольдов, гиляков, ительменов, камчадалов, коряков, орочей, ольчей, тазов, удэе и др. Опытные ученые-полевики более других "парламентеров" были вхожи в туземную среду, владели языковыми знаниями и пониманием культурных особенностей дальневосточных народностей, что в открывало им возможности для более подробной фиксации и трансляции визуальных сцен из жизни местного населения. Потому архивное фотонаследие ученых, запечатлевшее результаты пионерных визуально-антропологических опытов на Дальнем Востоке, представляет особую значимость для научного рассматривания.

Неслучайно сегодня подобные материалы вызывают все больший интерес в широком спектре гуманитарных изысканий – архивные фотографии "оживляют" перед современными исследователями колоритные картины культур, навсегда канувшие в прошлое. В контексте "иконического поворота", активно продолжающегося в современной отечественной науке, обращение к визуальным архивам видится актуальной исследовательской целью [14, 16, 19, 26]. Однако, несмотря на признанную в науке информативную ценность данных источников, подходы и методы работы с такого рода материалами все еще остаются недостаточно разработанными.

Предлагаемая статья, направленная на сильное преодоление обозначенного пробела, посвящена рассмотрению опций фотографической фиксации и репрезентации образов дальневосточного региона в исторической и современной перспективах и является развитием авторского анализа аспектов визуальности в творчестве Владимира Клавдиевича Арсеньева, в данном случае фокусируясь на его фотографических материалах. Актуальность заяв-

ленной темы дополняется отсутствием теоретических и прикладных осмыслений этого уникального пласта арсеньевского наследия, до сих пор должным образом не представленного в общественном обороте.

Обращение к таким специфическим источникам определила опору и на соответствующую авторскую методологию, сочетавшую подходы исторической и визуальной антропологии. Первым этапом работ стал поиск фотодокументов, связанных с деятельностью В.К. Арсеньева на Дальнем Востоке, рассредоточенных по фондам музейных и архивных институций России. Так, в 2012 г. в ходе исследований в архиве Общества изучения Амурского во Владивостоке, автором статьи был обнаружен своеобразный научно-творческий клад – десятки ящиков с сотнями изобразительных документов (стеклянные пластины, негативы и позитивы), созданных самим В.К. Арсеньевым и его спутниками в экспедициях по Усурийскому краю. Развитие тематических изысканий в фондах Музея-заповедника истории Дальнего Востока им. В.К. Арсеньева (Владивосток), Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова (Хабаровск) и Архива Русского географического общества (Санкт-Петербург) привело к обнаружению дополнительного массива фотодокументов. Последующий анализ корпуса найденных источников позволил систематизировать изображения по тематическому и хронологическому принципам. Наконец, вариантом обобщения объема данных фотоматериалов в своеобразный изобразительный нарратив стал их последовательный монтаж – заключительным этапом представляемого исследования стало создание документального фильма "Дальневосточная одиссея Владимира Арсеньева" (2018)¹. Сгруппированные в рамках тематических новелл, созвучных формулировкам самого В.К. Арсеньева ("Море лесов", "Царство гор", "Дыхание океана", "Дерсу Узала" и "Революция для всех..."), составленные в хронологической последовательности (от фотообразов Российской империи до картин советизации края), и дополненные соответствующими дневниковыми записями, а также выдержками из произведений исследователя (в звуковом оформлении), арсеньевские снимки выстроились в целое визуальное повествование о дальневосточном фронтире в его историко-антропологическом развитии в первой трети XX в.

Фотографические опыты В.К. Арсеньева

Склонность к визуализации, по свидетельству арсеньеведов, проявлялась у Владимира Клавдиевича с детства: "В семейных воспоминаниях настойчиво повторяется рассказ о рисованных человечках, которыми он населял страницы книжек, учебники географии и истории. Читая приключенческие книжки, он продолжал и пересказывал их на собственный манер: карандашом на листках почтовой бумаги делал серию рисунков без подписей, и, если перелистать стопку таких рисунков, расположенных в нужном порядке, получалась своего рода повесть" [12, с. 15]. Характерно, что впоследствии и походные дневники исследователя обрели вид синтетических коллажей, в которых соседствовали текстовые и изобразительные элементы – вырезки из бересты, рисунки, карты, фотографии.

Вся жизнь В.К. Арсеньева на Дальнем Востоке была своеобразной экспедицией – он прошел с служебными и исследовательскими целями значительные территории края, оставив после себя многочисленные научные и художественные описания своих походов. Почти в каждую экспедицию, педантично оптимизируя вес снаряжения, он непременно брал фотокамеру с запасом пластин, и слыл умелым фотографом [6]. Именно благодаря фотографированию, которому отводилась роль документирования походных событий, сегодня можно более объемно рассмотреть ту "Дальневосточную одиссею" В.К. Арсеньева, под новым исследовательским углом взглянув на ее визуальные страницы.

В своих публикациях Владимир Клавдиевич оставил неоднократные указания на регулярность фотофиксации своих экспедиционных впечатлений. К примеру, в издании "Дерсу Узала" (1907) он отмечал: "В полдень мы остановились на привал. Пока варился чай я успел сделать несколько фотографических снимков... Нигде хребет Сихоте-Алинь не выступает так вели-

¹ Фильм "Дальневосточная одиссея Владимира Арсеньева" (режиссер: Иван Головнев) доступен по ссылке: <https://youtu.be/z4JMvXK0uSo>

чественно и резко как в истоках Сицы" [2, с. 501]. А в рассказе о лодочном переходе по реке Гыджу в экспедиции 1908 г. он вспоминал: "Наша лодка подошла ближе к берегу. Теперь можно было рассмотреть и детали. Под влиянием атмосферных явлений в песчаннике образовалось множество глубоких каверн, разделенных тонкими перегородками. Я хотел сфотографировать берег и велел вынуть весла из воды. Минут десять я провозился, пока наладил аппарат" [3, с. 314]. Во время походов В.К. Арсеньев предусмотрительно содержал фотографические пластинки запаянными в цинковые коробки – "в каждой по дюжине" [2, с. 406], что позволяло предохранять материалы от сырости, но без потерь столь экстремальные по своим условиям экспедиции обойтись не могли. В частности, В.К. Арсеньев с сожалением сообщал, что 11 августа 1908 года, во время тяжелого перехода, сопровождавшегося голодовкой и затоплением лодки, "подмокли ценные вещи, и в том числе фотографический аппарат, кассеты" [3, с. 52].

Персональный архивный фонд В.К. Арсеньева, хранящийся в Обществе изучения Амурского края (ОИАК), являясь наиболее крупной коллекцией визуально-антропологических материалов, связанных с творчеством исследователя, содержит порядка 550 фотодокументов и негативов. В одних случаях авторство В.К. Арсеньева (или другого лица) можно определить по персональным подписям и комментариям исследователя на обратной стороне фотодокументов, в других – по косвенным свидетельствам (указаниям в дневниковых записях, на полях рукописей и т.п.). Очевидно, в случаях, когда у него не было возможности сделать необходимую фотографию самостоятельно, он использовал фото, сделанные его проводниками и спутниками в экспедиционных маршрутах, либо запрашивал материалы у своих "корреспондентов" на местах.

При этом и упомянутый фонд не характеризуется полнотой и целостностью – в частности, отсутствующими на сегодняшний день числятся фотодокументы, относящиеся к путешествиям В.К. Арсеньева в Китай, Японию и Корею; многие фотосериі сохранились лишь фрагментарно. Тем не менее коллекции арсеньевских фотографий в ОИАК, дополненные материалами, содержащимися в фондах Музея-заповедника истории Дальнего Востока им. В.К. Арсеньева, Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова и Архива Русского географического общества, позволяют представить максимально объемную панораму визуального творчества исследователя и разобрать тематический репертуар тех фотографических образов².

В сюжетном плане в фотоколлекции В.К. Арсеньева в первую очередь выделяются сцены из быта дальневосточных народов, что свидетельствует о выраженном этнографическом интересе исследователя. Известно, что на рубеже XIX–XX вв. именно народоописание при изучении территорий являлось определяющей направленностью в деятельности многих ученых-гуманитариев. В антропологической фотографии, сопутствовавшей исследованиям, преобладали съемки портретов представителей этнических сообществ на фоне искусственного нейтрального "задника", в фас и профиль, в одежде и без таковой (подобным образом снимали В.Г. Богораз, В.И. Йохельсон, С.М. Широкогор, Б.И. Дыбовский и др.) [9]. Базовыми характеристиками фотографических репрезентаций жизни коренных жителей являлись постановочность сцен, сознательное помещение в кадр элементов архаичной материальной культуры как маркеров "примитивности", подчеркивание бинарных оппозиций: европеец и абориген, цивилизация и дикость, порядок и хаос. Однако в деталях подходы исследователей к своему объекту часто различались, соответственно, и фотографические материалы, создававшиеся как иллюстрации определенных концепций, также имели свои особенности. Одни, к примеру, предлагали апробировать программы создания национально-культурных автономий на Дальнем Востоке, подкрепляя свои идеи фотодоказательствами успешных опытов обучаемости и перевоспитания инородцев [17]. Для других, фотообразы полноценно адаптированных к местным условиям туземцев

² АОИАК – Архив Общества изучения Амурского края
МЗИДВ – Музей-заповедник истории Дальнего Востока им. В.К. Арсеньева
ХКМ – Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова.
АРГО – Архив Русского географического общества.

Фото 1. Дерчу Очжал (Дерсу Узала). Фото В.К. Арсеньева.

Photo 1. Derchu Oczhal (Dersu Uzala). Photo by V.K. Arseniev.

Источник: АРГО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 75. Л. 24.

Source: Russian Geographical Society (RGO). Fond 86. Series 1. File 75. P. 24.

оказывались эффективными аргументами для продвижения программ по привлечению старожилов края и переселенцев из азиатских стран в качестве посредников в колонизации региона, что являлось острыми сюжетами для дискуссий, происходивших в научных и административных кругах в изучаемое время [11]. Третьи отстаивали позицию минимизации вмешательства в самодостаточное существование коренного населения – на их фотографиях запечатлена "жизнь врасплох" – будничные реалии местных сообществ в их естественной хозяйственной среде [15].

Фото 2. "Дыхание океана". Фото В.К. Арсеньева.

Photo 2. "Breath of the ocean." Photo by V.K. Arseniev.

Источник: АОИАК. Ф. 14. Оп. 4. Д. 78. Л. 8.

Source: Society for the Study of the Amur Territory (OIAK). Fond 14. Series 4. File 78. P. 8.

В творчестве же В.К. Арсеньева "образ другого" выражался, как правило, с уважением, деликатностью и симпатией – что можно считать естественной визуальной репродукцией соответствующих личных и профессиональных убеждений исследователя (АОИАК. Ф. 14. Оп. 4. Д. 55. Л. 1–2; АОИАК. Ф. 14. Оп. 6. Д. 56. Л. 16; РГО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 75. Л. 5; МЗИДВ. НВ-3816; ХКМ КП 10868/337). В частности, в работе 1929 г. "Население Владивостокского округа. Материалы Приморской экспедиции Дальневосточного переселенческого управления" В.К. Арсеньев утверждал: "полезные ископаемые, лес, продукты моря, соболь, пятнистый олень и другие промысловые животные составляют естественные богатства края, но люди, живущие в нем, будь то аборигены или колонисты, представляют из себя самую высшую ценность" (АОИАК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 64. Л. 99). Отдельный блок в этом ряду представляют фотографии проводников, сопровождавших исследователя в таежных путешествиях – китаец Чжан Бао, орочи Чичо (Иван), Карпушка

Фото 3. В.К. Арсеньев в экспедиции 1927 года.

Photo 3. V.K. Arseniev on an expedition in 1927.

Источник: МЗИДВ. НВ 6314-27.

Source: Museum-reserve of the history of the Far East named after V.K. Arseniev (MZIDV). NV 6314-27.

Фото 4. Головнев И.А. и Соломин Ю.М. на звукозаписи текстов для фильма "Дальневосточная одиссея Владимира Арсеньева".

Photo 4. Golovnev Ivan and Solomin Yuriy on the sound recording of texts for the film "Vladimir Arseniev's Far Eastern Odyssey".

Источник: из личного архива автора.

Source: from the personal archive of the author

и Савушка Бизанка – их образы выглядят как обобщенные психологические портреты. И особенно узнаваем на таких фотоснимках самый известный экспедиционный спутник В.К. Арсеньева – гольд Дерчу Очжал (Дерсу Узала). Фотографический образ Дерсу, созданный В.К. Арсеньевым созвучно литературному, олицетворяет тип опытного следопыта, умелого охотника, таежного скитальца, изображенного с соответствующими иконическими деталями-кодами: трубка, котомка, ружье и т.п. (АРГО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 75. Л. 24; ХКМ КП 10868/338). Не случайно и в вышеупомянутом документальном фильме автора статьи этнографические фотографии арсеньевского архива были объединены в эпизод под названием "Дерсу Узала".

При этом исследовательская интонация в визуализации этничности у В.К. Арсеньева, как правило, соседствует с поэтической. Характерно, что во многих вопросах мировоззренческого плана, включая и аспекты религиозной софистики, В.К. Арсеньев часто поддерживал позицию не европейского, но местного толка: "Мы остановились отдохнуть. Дерсу подошел к кумирне, опустился перед нею на колени и дважды поклонился в землю. Я удивился, что он молится перед китайской кумирней. – Дерсу, – обратился я к нему. – Что ты молишься? Ведь это китайский бог!?! – Ничего, капитан, – ответил он мне. Какой Бог – ваш Бог, наш Бог, китайский Бог, все равно один Бог – три нету. Я поразился его ответом и устыдился своего вопроса. Вопрос, над которым европейцы тысячелетиями ломают головы и ведут споры, иногда доходящие до кровопролития, он, простой дикарь, разрешал так просто" [2, с. 475].

В отношении же колонизации края переселенцами из соседних азиатских стран В.К. Арсеньев осмотрительно предупредил, что в текущий момент "русский рабочий-земледелец, промышленник, огородник не может конкурировать ни с китайцами, ни с корейцами. Торопиться с колонизацией края иностранными подданными не следует. Для государства будет выгоднее держать еще некоторое время край этот пустынным и сохранить свободные земли для будущих русских переселений" [4, с. 247]. Соответственно, фотодокументы, касающиеся жизнедеятельности китайских и корейских колонистов на Дальнем Востоке представлены в его архиве сравнительно фрагментарно, и содержательно они демонстрирует в основном "конкурентные" картины: занятия ими лучших сельскохозяйственных угодий, отправления браконьер-

ских промыслов, установления на местной территории собственных порядков и совершения беззаконных деяний, включая и фотосвидетельства совершенных преступлений (АРГО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 75. Л. 1–4, 6–7, 9–19, 26–28).

Объемный корпус фотодокументов в архивах В.К. Арсеньева связан с фотофиксацией разнообразных природных объектов. Пейзажные панорамы из его фотоальбомов выполнены с пафосом первооткрывателя, изящны по композиции, поэтичны по содержанию. В черно-белых снимках, сделанных походным аппаратом в экстремальных полевых условиях – в частности, во время переходов по рекам Бикин, Тетюхе, Иодзухе, Копи и т.д. – В.К. Арсеньеву удалось выразительно передать тонкие черты девственной природы края (АОИАК. Ф. 14. Оп. 4. Д. 55. Л. 3, 23, 25, 26, 36, 45, 46, 48, 60; МЗИДВ. НВ 3816-9а–3816-16а). Соответствующие фотодокументы в фильме "Дальневосточная одиссея Владимира Арсеньева" составили эпизоды "Море лесов" и "Царство гор". Но, пожалуй, наиболее впечатляюще выполнены объемные в киноэпизоде "Дыхание океана" фотографии Арсеньева-мариниста (АОИАК. Ф. 14. Оп. 4. Д. 55. Л. 4–5, 14; АОИАК. Ф. 14. Оп. 4. Д. 77. Л. 1, 4, 8, 10–15; АОИАК. Ф. 14. Оп. 6. Д. 56. Л. 43–45). Они же не раз получали соответствующее воплощение и исполнение Арсеньева-писателя: "Величественная картина – грозный вид! Одна за другой с белыми гребнями огромные волны с рёвом налетают на берег, заливают всю полосу прибоя, снова скатываются назад. И так без конца в течение многих веков. Каким ничтожным, маленьким, беспомощным чувствует себя человек перед такой стихийной силой природы" [3, с. 99].

Следует отметить, что текстовые описания дальневосточной природы, занимавшие существенное место в литературных произведениях В.К. Арсеньева ("По Уссурийскому краю", "Дерсу Узала", "Сквозь тайгу", "В горах Сихотэ-Алиня" и др.), в свою очередь, активно продуцировали в сознании читателя именно визуальные образы. В этом плане характерен широко известный отзыв А.М. Горького о книге В.К. Арсеньева "Сквозь тайгу": "Не говоря о ее научной ценности, конечно, несомненной и крупной, я увлечен и очарован был ее изобразительной силой" [2, с. 38]. Примечательно, что феномен фотографии неоднократно использовалась В.К. Арсеньевым и в качестве образной метафоры – например, при знакомстве читателей с легендой, рассказанной ему проводником Чжан Бао: "Есть опасные деревья, которые поглощают в себя всех животных и птиц. Есть и такие деревья, которые, как фотографический аппарат, отпечатывают под корой всех, кто к ним приближается. Человек никогда не подвергается опасности быть поглощенным, но образ его может быть запечатлен в древесине" [3, с. 361].

В научном плане В.К. Арсеньев продолжал традиции Н.М. Пржевальского и П.К. Козлова, практиковавших энциклопедический подход к описанию исследуемой местности и разделяющих позицию о комплексности всех природных компонентов в пределах изучаемой географической зоны. Поэтому многие фотографии, созданные в ходе экспедиционных маршрутов, аккуратно иллюстрируют наблюдения, сделанные им в определенном порядке, и представляют собой серию сюжетов, в которых часто последующее изображение поясняет или развивает содержание предыдущего. На походных фотоснимках запечатлен и сам исследователь: в частности, молодым офицером (начальником охотничьей команды) в поездках по Южно-Уссурийскому краю; во время комплексных исследовательско-служебных экспедиций в центральную часть хребта Сихотэ-Алинь 1906–1907 гг. – наиболее плодотворных в его научно-творческой биографии; наконец, уже состоявшимся исследователем – в походе по маршруту Советская Гавань – Хабаровск летом 1927 г. (МЗИДВ. НВ 6314-17; МЗИДВ. НВ 6314-20; МЗИДВ. МПК 4288/2; МЗИДВ. НВ 6314-27; АРГО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 75. Л. 8; РГО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 75. Л. 20; АРГО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 75. Л. 30; АРГО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 75. Л. 31; АРГО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 75. Л. 32; ХКМ КП 9750/104).

Особая группа в визуальных архивах В.К. Арсеньева представлена фотодокументами, отразившими события революции, гражданской войны, а также руководившей советизации края (АОИАК. Ф. 14. Оп. 6. Д. 56. Л. 19; ХКМ. НВ 10079/8-9. Л. 3–4; ХКМ. НВ 9791/57. Л. 20; ХКМ. НВ 9791/58-61. Л. 23–26; ХКМ. НВ 9791/62. Л. 27) и составившая заключительный эпизод "Революция для всех..." авторского документального фильма. Целевой ак-

цент на фотофиксации природно-этнографического разнообразия региона, его уникальности в ландшафтном, климатическом, этнокультурном отношении сохранялся в фототворчестве В.К. Арсеньева и в советский период. Но в поле зрения фотокамеры исследователя все чаще попадали и картины переустройства региона, увеличивалось присутствие в кадрах советских "типажей".

В тот период на Дальний Восток двинулось новое поколение "документалистов" – и не только фотографов, а и кинематографистов – создавать советскую визуальную летопись. Известно, что революционные события в стране были восприняты В.К. Арсеньевым как фатальная историческая травма, участь которой он твердо решил разделить со своим народом: "За время революции и гражданской войны столько было насилий, столько пролилось крови, что у меня что-то надломилось в душе. Цивилизация родит преступников. Созидай свое благополучие за счёт другого – вот лозунг двадцатого века. Обман начинается с торговли, потом в последовательном порядке идут ростовщичество, рабство, кражи, грабежи, убийства и, наконец, война и революция со всеми их ужасами. Разве это цивилизация!?" [2, с. 640]. Очевидно поэтому количественно такие снимки представлены в архивах исследователя относительно скупо.

Продолжая последовательно заниматься этнографией и фотографией, В.К. Арсенев не мог оставаться совершенно в стороне от нововведений. Постепенно, на фоне происходящих технологических и социокультурных изменений в конце 1920-х гг., роль фотографии в репрезентации регионального своеобразия страны снижалась. Ее место занимал "киноглаз" – кинопутешествия по окраинным территориям СССР становились более эффективным средством трансляции широким зрительским массами происходящих в них социалистических преобразований. Путем ведомственного объединения усилий ученых и кинематографистов в деле "культурной революции" под эгидой ЦИК был запущен масштабный государственный проект "Киноатлас СССР", предполагавший создание 150-серийного альманаха о народностях и регионах страны, ориентированный на создание экранного образа многонационального и прогрессивно развивающегося при новой власти Союза [8]. И одним из наиболее популярных мест для съемки таких фильмов стал Дальний Восток – картины, снятые в регионе, становились буквальным открытием этой территории для населения столиц и центральных областей страны.

Известно, что В.К. Арсенев имел свой интерес к кинематографу как средству популяризации природных и культурных ценностей дальневосточного края. В частности, еще летом 1914 г. он участвовал в разработке съемочного плана этно-географического характера для корреспондента научного отдела кинофабрики "Ханжонков и Ко" Ф.К. Бремера, а в 1923 г. – обращался в "Совкино" с запросом прислать кинооператора в его экспедицию для съемок действующего вулкана Авача на Камчатке, но эта инициатива не была поддержана руководством киностудии [20, с. 268]. Закономерно поэтому, что в 1928 году В.К. Арсенев принял приглашение на роль научного консультанта в фильме А.А. Литвинова "Лесные люди" об удэгейцах, сценарный эскиз которого создавался на основе его же книги "Лесные люди удэгейцы" [1]. Эта киноработа стал первой из серии краеведческих кинолент, созданных на Дальнем Востоке в ходе сотрудничества В.К. Арсеньева с группой "Совкино" [7]. В изменившемся контексте импульсы к производству антропологической/этнографической фотографии неизбежно сокращались, снимавшиеся фотоматериалы переходили в специализированный удел прикладных иллюстраций к работам ученых, а объем уже созданных к тому моменту фотографических документов подлежал пересмотру с новых идеологических позиций, и в лучшем случае – музеефицировался или списывался в архив, а в худшем – уничтожался, что в полной мере прослеживается и на примере фотонаследия В.К. Арсеньева.

Как видно, "репертуар" фотографических образов арсеньевского архива можно систематизировать по тематическому и хронологическому принципам. В своих фотоработах В.К. Арсенев фокусировался не только на этнографических деталях – он также снимал крупные портретные кадры местных жителей и масштабные природные планы, словно делал "пробы" персонажей и натуры

для своих литературных произведений. Не случайно именно собственными фотографиями В.К. Арсеньев стремился в перспективе иллюстрировать свои художественные и научные произведения.

И с точки зрения стиля фототворчество В.К. Арсеньева характеризуется самобытным документально-художественным созвучием, свойственным также и его литературным опытам. Не случайно биографы многократно подчеркивали межжанровые интонации в произведениях исследователя [10, 12, 22; 25]. Например, И.С. Кузьмичев метко сравнил литературный почерк В.К. Арсеньева с манерой кинодокументалиста: "Разница между пейзажем в каком-нибудь романе и описанием природы под пером Арсеньева приблизительно та же, что между картиной живописца и кадрами документальной киноленты. Пейзажист вынашивает замысел, набрасывает этюды и потом на холсте рисует картину. Кинодокументалист же "подсматривает" в природе "нечто прекрасное" и мгновенно запечатлевает на пленке, в кадре, как факт и реальный, и поэтический" [2, с. 28].

В визуально-антропологическом наследии исследователя получили отражения различные исторические явления, в числе которых смена политических режимов и научных парадигм, а также напряженные поиски различных сил общества в направлении колонизации дальневосточного края. Ведь ученые-энциклопедисты, к каковому принадлежал и Владимир Клавдиевич, выступали в гуманитарном авангарде тех событий – они не только исследовали эволюцию и революцию со стороны, они были непосредственными участниками этих процессов. Их основная задача заключалась в изучении колониционных емкостей – природных ресурсов и социокультурных капиталов края, а позиция большинства выражалась не просто в антропологическом, но даже в антропометрическом взгляде "просвещенного колонизатора" на "вымирающих инородцев", что отчетливо зафиксировалось и в соответствующих фотосвидетельствах [8]. Но именно "уважительный" и отчасти "романтический" взгляд на дальневосточную природу и местную культуру, наглядно выраженный в фотообразах, созданных им как ученым-художником, выделяет наследие В.К. Арсеньева из общего слоя визуальных материалов изучаемого периода.

Фотогалерея образов Дальнего Востока, запечатленных в визуальных архивах В.К. Арсеньева во внешней проекции повлияла на перманентное восприятие этого региона в российском (советском) обществе, а во внутренней – способствовала формированию локальных идентичностей и авторефлексий. Перед критически настроенным исследователем эти фотодокументы предстают многослойными источниками, отразившими силуэты политики и экономики, культуры и идеологии своего времени. И не столько количеством фотографий и кинофильмов, сколько их качеством измеряется это наследие. Как показывает современный опыт, на архивных фотоизображениях В.К. Арсеньева основываются музейные экспозиции, иллюстративные издания, научные тексты, документальные фильмы. Колоритные культурные срезы, запечатленные им среди этнокультурных сообществ Дальнего Востока, не существуют более в реальности, они навсегда ушли в прошлое, но образы их можно увидеть и сегодня – через объектив его камеры. Так, актуализация исторических фотографий путем популяризации их в виде документального фильма, позволила современной аудитории зрителей совершить собственное "кинопутешествие" по маршруту "Дальневосточной одиссеи" В.К. Арсеньева, а благодаря закадровым комментариям³ из текстов исследователя, расслышать, что многие вопросы, поднятые им относительно развития края, до сих пор не потеряли своей остроты. И в этом заключена не только исследовательская, но и общегуманитарная ценность творчества В.К. Арсеньева – его уникальная миссия, исполненная с мастерством и достоинством.

³ Тексты В.К. Арсеньева прочитаны в фильме Ю.М. Соломиным, воплотившим экранный образ Капитана в кинокартине "Дерсу Узала" (1975) А. Куросавы.

Литература

1. Арсеньев В.К. Лесные люди удэгейцы. Владивосток: Книжное дело, 1926. 47 с.
2. Арсеньев В.К. Собрание сочинений в 6-ти т. Т. 1. Владивосток: Рубеж, 2007. 703 с.
3. Арсеньев В.К. Собрание сочинений в 6-ти т. Т. 2. Владивосток: Рубеж, 2011. 607 с.
4. Арсеньев В.К. Собрание сочинений в 6-ти т. Т. 3. Владивосток: Рубеж, 2012. 784 с.
5. Басилов В.Н. Наука о народах и фотография // Советская этнография. 1981. № 2. С. 161–164.
6. Владимир Клавдиевич Арсеньев. Биография в фотографиях, воспоминаниях друзей, свидетельствах эпохи / ред. Ю.К. Луганский. Владивосток: Усури, 1997. 336 с.
7. Головнев И.А. Владимир Арсеньев и кино // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 3. С. 50–64.
8. Головнев И.А. Киноатлас СССР: история проекта // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2020. № 38. С. 12–24.
9. Головнев И.А., Головнева Е.В. Образы Дальнего Востока в визуальных документах рубежа XIX–XX вв. СПб.: Нестор-История, 2021. 296 с.
10. Егорчев И.Н. Неизвестный Арсеньев. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2016. 164 с.
11. Кирилов Н.В. Колонизация низовьев Амура (доклад, внесенный в секцию рыбопромышленного совещания по вопросам колонизации низовьев Амура в Николаевске в апреле 1916 года). Владивосток: Далекая окраина, 1916. 9 марта. 4 с.
12. Кузьмичев И.С. Писатель Арсеньев. Л.: Советский писатель, 1977. 240 с.
13. Магидов В.М. Кинофотофондокументы в контексте исторического знания. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2005. 394 с.
14. Мазур Л.Н. Визуализация истории: новый поворот в развитии исторического познания // Quaestio Rossica. 2015. № 3. С. 161–178.
15. Новограбленов П.Т. Среди гигантов (путешествие вокруг Ключевого вулкана в 1927 г.) // Известия Центрального бюро краеведения. 1927. № 9. С. 327–328.
16. Октябрьская И.В. Открытые письма Сергея Борисова. Из истории фотографии Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 4 (44). С. 110–121.
17. Пилсудский Б.О. Нужды и потребности сахалинских гиляков // Записки Приамурского отдела ИРГО. 1898. Т. 4. Вып. 3. С. 1–38.
18. Сопещение этнографов Ленинграда и Москвы // Этнография. 1929. № 2. С. 110–145.
19. Степанова Л.Б. Полевые экспедиционные фотографии этнографа А.А. Саввина (из собрания рукописного фонда архива ЯНЦ СО РАН) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2017. № 3(20). С. 53–58.
20. Тарасова А.И. Владимир Клавдиевич Арсеньев. Владивосток: Издательский дом Дальневосточного федерального ун-та, 2012. 410 с.
21. Толмачева Е.Б. Методология изучения фотографии с этнографическим содержанием // Фотография. Изображение. Документ. 2010. № 1. С. 38–42.
22. Хисамутдинов А.А. "Впервые осветил географию многих мест": В.К. Арсеньев и его исследования // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 3. С. 36–49.
23. Харузина В.Н. Этнография. Вып. 2. М.: Императорский археологический институт, 1914. 219 с.
24. Яковлев Н.Ф. Кино и этнография / Терской А.Н. Этнографическая фильма. М.: Теакино-печатль, 1930. С. 3–16.
25. Яроцкая Ю.А. К вопросу о жанровой принадлежности художественных текстов В.К. Арсеньева крупной формы // Смысловое пространство текста. Сборник статей научно-практической конференции. Петропавловск-Камчатский: КамГУ им. Витуса Беринга, 2013. 154 с.
26. Sharapov V.E. Construction of the Ethnographic Visual Image of Komi-Zyrians in the "Artistic Ethnology" of the late 19th – 20th Centuries // Slovenský národopis. 2020. № 3. P. 230–249.

References

1. Arseniev V.K. Forest people Udege. Vladivostok: Knizhnoe delo, 1926. 47 p. (In Russ.)
2. Arseniev V.K. Collected works in 6 volumes. Vol. 1. Vladivostok: Rubezh, 2007. 703 p. (In Russ.)
3. Arseniev V.K. Collected works in 6 volumes. Vol. 2. Vladivostok: Rubezh, 2011. 607 p. (In Russ.)
4. Arseniev V.K. Collected works in 6 volumes. Vol. 3. Vladivostok: Rubezh, 2012. 784 p. (In Russ.)
5. Basilov V.N. Science of peoples and photography // Soviet ethnography. 1981. No. 2. P. 161–164. (In Russ.)
6. Vladimir Klavdievich Arseniev. Biography in photographs, memoirs of friends, evidence of the era / ed. Yu.K. Luganskiy. Vladivostok: Ussuri, 1997. 336 p. (In Russ.)
7. Golovnev I.A. Vladimir Arseniev and cinema // Ojkumena. Regional researches. No. 2. P. 50–64. (In Russ.)

8. Golovnev I.A. Cinema Atlas of the USSR: the history of the project // Bulletin of the Tomsk State University. Cultural studies and art history. 2020. No. 38. P. 12–24. (In Russ.)
9. Golovnev I.A., Golovneva E.V. Images of the Far East in visual documents of the turn of the 19th–20th centuries. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2021. 296 p. (In Russ.)
10. Egorchev I.N. Unknown Arseniev. Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern University, 2016. 164 p. (In Russ.)
11. Kirilov N.V. Colonization of the lower reaches of the Amur (report submitted to the section of the fish industry meeting on the colonization of the lower reaches of the Amur in Nikolaevsk in April 1916). Vladivostok: Daliokaya okraina, 1916. March 9. 4 p. (In Russ.)
12. Kuzmichev I.S. Writer Arseniev. Leningrad: Sovetskiy pisatel', 1977. 240 p. (In Russ.)
13. Magidov V.M. Film and photo documents in the context of historical knowledge. M.: Russian State University for the Humanities, 2005. 394 p. (In Russ.)
14. Mazur L.N. Visualization of history: a new turn in the development of historical knowledge // Quaestio Rossica. 2015. No. 3. P. 161–178. (In Russ.)
15. Novograblenov P.T. Among the giants (travel around the Klyuchevskoy volcano in 1927) // News of the Central Bureau of Local History. 1927. No. 9. P. 327–328. (In Russ.)
16. Oktyabrskaya I.V. Open letters of Sergei Borisov. From the history of Altai photography // Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia. 2010. No. 4. P. 110–121. (In Russ.)
17. Pilsudsky B.O. Needs and needs of the Sakhalin Gilyaks // Notes of the Amur Department of the IRGO. 1898. Vol. 4. Issue. 3. P. 1–38. (In Russ.)
18. Meeting of ethnographers of Leningrad and Moscow // Ethnography. 1929. No. 2. P. 110–145. (In Russ.)
19. Stepanova L.B. Field expedition photographs of the ethnographer A.A. Savvin (from the collection of the manuscript fund of the archive of the YSC SB RAS) // North-Eastern Humanitarian Bulletin. 2017. No. 3. P. 53–58. (In Russ.)
20. Tarasova A.I. Vladimir Klavdievich Arseniev. Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern Federal University, 2012. 410 p. (In Russ.)
21. Tolmacheva E.B. Methodology for studying photography with ethnographic content // Photography. Image. Document. 2010. No. 1. P. 38–42. (In Russ.)
22. Khisamutdinov A.A. "For the first time he illuminated the geography of many places": V.K. Arseniev and his research // Ojkumena. Regional researches. 2017. No. 3. P. 36–49. (In Russ.)
23. Kharuzina V.N. Ethnography. Issue. 2. Moscow: Imperial Archaeological Institute, 1914. 219 p. (In Russ.)
24. Yakovlev N.F. Cinema and ethnography / Terskoy A.N. Ethnographic film. Moscow: Teakinopechat', 1930. P. 3–16. (In Russ.)
25. Yarotskaya Yu.A. To the question of the genre affiliation of artistic texts by V.K. Arseniev large form // Semantic space of the text. Sat. Articles of the scientific-practical conference. Petropavlovsk-Kamchatsky: KamGU imeni Vitusa Beringa, 2013. 154 p. (In Russ.)
26. Sharapov V.E. Construction of the Ethnographic Visual Image of Komi-Zyrians in the "Artistic Ethnology" of the late 19th–20th Centures // Slovenský národopis. 2020. No. 3. P. 230–249.

Информация об авторе

Иван Андреевич Головнев, д-р ист. наук, старший научный сотрудник Центра Арктических исследований Музея антропологии и этнологии "Кунсткамера" РАН, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: ethnokino@yandex.ru

Information about the author

Ivan A. Golovnev, Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher, Department of Arctic Researches, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), St. Petersburg, Russia, e-mail: ethnokino@yandex.ru

Поступила в редакцию

(Received) 01.07.2022

Одобрена после рецензирования

(Approved) 15.08.2022

Принята к публикации

(Accepted) 22.08.2022